

не индивидуальное выживание за счет порабощения других индивидов (классов, народов) и Природы, а реализация потенциального «гуманизма природы», не «гражданское общество», а «обобществившееся человечество». Смеем заявить, что такой силой, субъектом и гегемоном процесса воскрешения человечества может стать русский национальный характер, русский дух, русская духовность. И дело тут не в славянофильски понятой предназначенности русского этноса к подобной исторической миссии, а именно в русском характере и духе, кому бы он ни принадлежал: нам ли, сегодняшним русским, или любому другому социальному субъекту.

И даже если глобализация, уже начавшись сегодня как империалистическая экспансия буржуазного класса, завершится завтра пугающей воображение антиутопией тотального насилия и одичания большинства населения планеты, то послезавтра человечество всё равно поднимется до осуществленного гуманизма природы, своего сверхприродного существования в качестве средства воскресения Природы. Иначе – зачем мы существуем?

¹ Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии, 1990, № 1, с. 104.

² Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм / Пер. с англ. М., 2001. С. 233.

³ Гегель Г. Философия права. М., 1990. С.228.

⁴ Казаринова Н.В. Я и другой: о моделях поведения русских в межличностном общении // Россия в глобальном мире. СПб, 2003. С. 298.

В.П. Горюнов

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Санкт-Петербург, СПбГПУ

Человек живет в мире предметов, каждый из которых имеет определенное значение в его жизни. Люди их *знают*, и в той мере, в какой эти значения одинаковы, они понимают друг друга. В этом смысле человек живет и действует (ставит цели, выбирает средства, принимает решения) не в мире действительных предметов, а в некоторой модели мира, сконструированной им самим по своим собственным меркам. Непосредственно вне модели никакого мира человеку не дано. Объективно люди живут в одном мире, а субъективно – в разных его моделях. Отсюда возникает проблема их совместимости, т.е. проблема взаимопонимания.

Человеческое бытие постоянно усложняется, значений становится все больше (вещи становятся многозначными), одновременно расширяется и усложняется система отношений между людьми. Значение вещей уже нельзя просто *узнать*, сначала их надо *понять*. И только на этом одинаковом понимании оказывается возможным понимание людьми друг друга, которое можно истолковывать в разных смыслах:

Понимание намерений человека, мотивов его действий, разгадывание человека зачастую вопреки его стремлению к сокрытию самого себя.

Понимание объективного положения человека, которое сам он не обязательно сознает.

Понимание человека как согласие с ним, признание обоснованности его намерений и действий.

В целом понимание людьми друг друга означает совпадение их мыслей и переживаний в единстве его абсолютности и относительности. Впрочем, понимание не обязательно может быть двусторонним, т.е. следует различать понимание и взаимопонимание.

Общность, как целое, предполагает единство понимания, выражающееся в единстве мышления — технического, экономического, политического и т.д. Только на этой основе общность может быть организованным, управляемым целым. Герменевтическое единство общности позволяет ей эффективно взаимодействовать с другими общностями. Так, в свое время кроманьонцы полностью уничтожили неандертальцев, благодаря тому, что они лучше понимали друг друга и за счет этого были более организованными. Общность тем сильней, сплоченней, чем больше ее внутреннее взаимопонимание. В частности, национальная идея, как всеми понимаемая (в смысле — принимаемая) идея, обеспечивает совпадение ценностей и целей общности и представляет собой ее герменевтический стержень, превращает общность в единое “мы”, для которых окружающий мир — это среда существования, где к средствам относится не только природа, но и другие общности.

Общность может сложиться в единое “мы”, если среда позволяет ей выживать в полном объеме, т.е. всем членам общности. Поскольку природа не может быть достаточным средством полного выживания, постольку общество необходимо (закономерно) дифференцировано, разделено отношением “цель — средство”. Иначе говоря, человечество не может быть единым “мы” во всем объеме человеческого существования, таким оно может оказаться разве что перед лицом некоего космического противостояния.

Вместе с тем, поскольку борьба за выживание неустраима в принципе, а средства борьбы становятся все более разрушительными и способными при выходе их из-под контроля привести к всеобщему самоуничтожению людей, постольку вольно или невольно осуществляется поиск путей, ведущих к взаимопониманию. В связи с этим, терроризм можно интерпретировать как выражение истощения ресурса взаимопонимания, герменевтический тупик как отражение объективно неразрешимого противоречия в отношении “цель — средство”. Одни общности предлагают систему отношений, в которой другие общности объективно будут служить их средством, а эти другие общности категорически отвергают такую систему, но обычным производственно-технологическим (тем более военным) путем добиться своего не могут и обращаются к террору как единственно возможному для них средству борьбы.

Процесс глобализации заставляет пересмотреть традиционный смысл понятия постиндустриального общества, предполагающего к сосредоточению основной массы населения на производстве информации и услуг при соответствующем сокращении занятости в сфере материального производства за счет научно-технического прогресса. Но оказалось, что это положение справедливо только по отношению к передовым общностям и не распространяется на отсталые общности, на долю которых выпадает именно материально-производственное функционирование в рамках глобального разделения труда.

В свою очередь, понятие информационного общества, понимаемого ранее как высшая стадия общества постиндустриального, оказалось буквально соответствующей характеристикой глобального мира. Глобальный мир по определению находится в едином информационном пространстве, поддерживается единым герменевтическим основанием. Человечество все больше характеризуется единством понимания материально-технической жизни и все больше превращается в единую цивилизацию, но принципиально не может достичь всеобщего социально-культурного взаимопонимания в силу действия техносоциальной формулы общества.

Понимание человеком окружающего мира и самого себя достигает предельного уровня, в определенном смысле становится абсолютным. Разумеется, бытие бесконечно и потому неохватно во всем многообразии своих проявлений, но стали понятны и основополагающий принцип объяснения природы, и основной закон человеческого существования. Конечно, познание природы, развитие техники и форм социальной организации не имеет пределов, человечество ждет впереди еще много фундаментальных естественно-научных открытий, великих технических изобретений и революционных социальных преобразований.

Достигнутая предельность познания природы состоит не в том, конечно или бесконечна скорость света, гравитации, распространения сигнала, не в том, есть ли предельный структурный уровень материи, существуют ли энергия и информация как таковые, возникла ли жизнь случайно в одном месте или она рассеяна во всей вселенной и т. п., а в том, что природа существует объективно и имеет причину себя в самой себе, т.е. ее никто не создавал, она неисчерпаема, вечна и бесконечна, в ней нет никаких сверхъестественных сил, никакого духовного начала. В этом смысле научное понимание природы абсолютно и не подлежит пересмотру независимо от того, какие бы новые законы и явления ни были открыты.

Социальное познание достигает своей предельности в осознании техносоциальной формулы общества. Человек по своему происхождению является природным существом, общественное развитие представляет собой естественно-исторический процесс, ничего сверхъестественного (надприродного) в человеке нет, а действие техносоциальной формулы (фундаментального техносоциального закона) так же непреодолимо, как и действие закона сохранения и превращения энергии. Каков бы ни был технологический и социальный способы человеческой жизни, она подчиняется одному и тому же техносоциальному закону. Иначе говоря, освещается ли человек электричеством или живет при свечах, пользуется ли самолетом или перемещается на телеге, воюет ли он с помощью огнестрельного оружия или "вручную", удерживает ли работника с помощью железного ошейника или "привязывает" его к рабочему месту зарплатой, этот закон неизменен. Более того, как возникновение человека не есть нечто сверхприродное, так и его гипотетическое исчезновение не стало бы отклонением от естественного процесса, не вышло бы из рамок естественного бытия.